

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АРАБСКИЙ МИР
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Межвузовский сборник

Издательство Томского университета
2008

ИДЕОЛОГИЯ ПАНАРАБИЗМА И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1950-е гг.

В.П. Румянцев

Томский госуниверситет

Характерной чертой развития международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке после Второй мировой войны стало усиление пропаганды арабского единства, нашедшей свое выражение в идеологии панарабизма. В чистом виде панарабизм представляет собой идею о необходимости преодоления искусственного, по мнению сторонников этой идеологии, разделения арабского мира на независимые государства. Только путем арабского единства, как считалось, можно было вернуться к естественному развитию арабской цивилизации, прерванному четырьмя столетиями с начала османского господства, а потом несколькими десятилетиями европейского колониального правления. Формирование идеологии панарабизма происходило в процессе поиска молодыми арабскими государствами национальной идентичности в условиях распада мировых колониальных систем. По выражению известного американского исследователя Б. Рубина, «панарабизм... имел такое же влияние на историю Ближнего и Среднего Востока, как и марксизм на Европу нового и новейшего времени»¹.

Истоки панарабской идеологии можно проследить еще в XIX в. – в период сопротивления элиты арабского общества политике Османской империи. Существенное влияние на эволюцию панарабизма оказали Первая и Вторая мировые войны. В конце 1940-х гг. панарабская идеология была принята на вооружение региональными политическими партиями, что во многом являлось ответом на активизацию в Ближневосточном регионе деятельности ведущих мировых держав и появление государства Израиль.

Традиционно инициатором организационного оформления панарабизма принято считать Партию арабского социалистического возрождения (Баас), основанную в 1947 г. в Сирии. Основателями

Баас стали выходцы из семей зажиточных дамасских торговцев христианин М. Афляк и мусульманин-суннит С. Битар. На учредительном съезде партии 4–6 апреля 1947 г. в Дамаске были выработаны три основные цели панарабизма в том виде, как их понимали М. Афляк и С. Битар: свобода от иностранного господства, объединение всех арабов в единое государство, социальная справедливость для всех слоев общества. В 1948–1951 гг. филиалы Баас были созданы в Ливане, Ираке и Иордании.

Создание Баас и распространение идей панарабизма не вызвало сначала особой тревоги со стороны западных держав, стремившихся сохранить и усилить свое влияние в Ближневосточном регионе. Более того, по мнению Соединенных Штатов, динамика развития региона после арабо-израильской войны 1948–1949 гг. требовала попытки консолидации арабского мира на антисоветской основе. В связи с этим США и Великобритания предприняли безуспешные попытки подключения арабских государств в начале 1950-х гг. к стратегическим планам ведущих стран организации Североатлантического договора (НАТО) в Восточном Средиземноморье. Арабо-израильский конфликт и борьба против иностранного присутствия вывели на политическую арену арабских стран представителей армейских кругов.

В 1952 г. организация «Свободные офицеры» совершила государственный переворот в ключевой стране арабского мира – Египте, свергнув монархический режим короля Фарука. Среди нового египетского руководства постепенно выделился полковник Г.А. Насер, который со временем сосредоточил практически всю власть в своих руках. Обладая определенной харизмой, молодой египетский лидер быстро завоевал популярность не только у себя на родине, но и за ее пределами. Руководство Баас сначала с подозрением отнеслось к Г.А. Насеру, воспринимая его как проводника интересов Соединенных Штатов, с которыми новый политический режим в Каире действительно довольно активно сотрудничал в первые годы своего существования. Но начиная с середины 1950-х гг. Египет под руководством Г.А. Насера стал последовательно проводить курс на обеспечение самостоятельной роли страны в международных делах.

Претензии Г.А. Насера на роль всеарабского лидера подкреплялись активной внешней политикой Египта под его руководством. В 1954 г. Египет заключил соглашение с Великобританией об эвакуации британских войск из района Суэцкого канала, размещенных там

согласно англо-египетскому договору 1936 г. На следующий год Каир активно выступил против создания так называемого Багдадского пакта – военно-политической организации, в которую вошли Великобритания, Турция, Ирак, Иран и Пакистан. В том же 1955 г. Г.А. Насер участвовал в работе конференции афро-азиатских стран в Бандунге и заключил соглашение о поставках советского оружия в Египет. Поддержка Египтом алжирских повстанцев в их борьбе с французскими колониальными властями свидетельствовала о стремлении Г.А. Насера распространить свое влияние на весь обширный регион арабского мира – от Атлантики до Персидского залива.

Внешнеполитическая деятельность Г.А. Насера имела тесную связь с межарабским соперничеством, в частности – с многолетним противостоянием Каира и Багдада за влияние в Сирии. Ирак демонстрировал свое стремление доминировать в Сирии, считая, что создание союза или федерации с этим соседним государством послужит укреплению региональных и международных позиций Багдада². Египетское же руководство считало, что угроза существовавшему в Каире режиму исходит в том числе и от Хашимитских монархий Ирака и Иордании, опасавшихся распространения влияния Г.А. Насера среди их подданных. Г.А. Насер не испытывал иллюзий в отношении искренности панарабских лозунгов, к которым время от времени прибегали правящие круги в арабских странах ради сохранения своих внутривосточных позиций.

Главным орудием Г.А. Насера в борьбе против иностранного влияния и в противостоянии с консервативными монархическими режимами стали пропаганда и агентурная деятельность. Каирская радиостанция «Голос арабов», популярность которой в 1950-е гг. стала необычайно высокой, активно призывала соседние арабские государства бороться как с присутствием западных держав на Ближнем и Среднем Востоке, так и с региональными режимами, которые действуют в интересах Запада. При этом Г.А. Насер в своих выступлениях неизменно взывал к националистическим чувствам аудитории («Мы – арабы!»).

Идеология панарабизма, исходившая из Каира, отличалась от баасистских идей. Г.А. Насер не призывал к созданию единого арабского государства, взамен выдвигая идею арабской солидарности, которая должна превалировать над всеми прочими соображениями арабских политиков³. Г.А. Насер понимал панарабизм, прежде всего, как консолидацию усилий всех арабских государств в области

внешней политики, где необходимо было выработать общие принципы, которых должны придерживаться арабские государства в отношениях с великими державами, Израилем и между собой. Панарабизм в понимании египетского лидера предполагал также контроль арабов над природными ресурсами региона.

Возросшая популярность Г.А. Насера среди арабской общественности не могла не привлечь внимания руководства Баас. С заключения в октябре 1955 г. соглашения о военном сотрудничестве двух стран началось сближение Дамаска и Каира. С этого момента идея создания сирийско-египетского государства периодически обсуждалась в сирийской и, в меньшей степени, египетской прессе. 17 апреля 1956 г. лидеры Баас заявили, что первым шагом на пути к созданию единого арабского государства должно стать объединение Египта и Сирии⁴. Считая такой шаг преждевременным, Г.А. Насер предпочел не реагировать на официальном уровне на инициативу Баас, тем более что партия М. Афляка и С. Битарна не представляла мнения большинства сирийского населения.

Серьезным стимулом для распространения идей панарабизма стал Суэцкий кризис 1956 г., возникший после того как египетское руководство национализировало компанию Суэцкого канала. После безуспешных попыток вернуть Суэцкий канал под иностранное господство Великобритания и Франция совместно с Израилем совершили нападение на Египет, пытаясь свергнуть режим Г.А. Насера, который стал восприниматься в Лондоне, Париже и Тель-Авиве как основная помеха для продвижения их интересов на Ближнем и Среднем Востоке. Подобных взглядов придерживались и Соединенные Штаты, считавшие, однако, что для нападения на Египет был выбран неподходящий момент – самый разгар кампании по выборам президента США и во время антисоветского мятежа в Венгрии. Исходя из соображений внутренней и внешней политики, администрация Д. Эйзенхауэра решила оказать давление на своих союзников по НАТО и Израиль с целью скорейшего прекращения военных действий на египетской территории. Свое воздействие на участников тройственной агрессии оказал и Советский Союз, пригрозив использовать силу против инициаторов агрессии. 5 ноября 1956 г., за день до президентских выборов в США, военная операция на территории Египта была прекращена. Начались переговоры о выводе иностранных войск из Египта и замене их миротворческим контингентом Организации Объединенных Наций (ООН).

В арабском мире результат Суэцкого кризиса был воспринят как победа Г.А. Насера, олицетворявшего собой силу арабского национализма. Рост престижа и влияния египетского президента в арабских странах после 1956 г. послужил причиной усиления притягательности панарабских идей на Ближнем и Среднем Востоке и активизации деятельности националистических сил в Сирии, Иордании, Ираке и других арабских странах. Эта тенденция, а также укрепление позиций Советского Союза в этом регионе мира всерьез тревожили ведущие страны НАТО.

Соединенные Штаты и Великобритания не могли игнорировать панарабизм как фактор, серьезно влиявший на развитие Ближневосточного региона. В Вашингтоне и Лондоне пытались в той или иной форме контролировать объединительные тенденции в арабском мире. Расхождения между США и Англией проявились в том, кого следует считать альтернативной Г.А. Насеру фигурой в борьбе за лидерство в арабском мире. Каждая из сторон исходила из своих стратегических и экономических интересов. Соединенные Штаты поддерживали кандидатуру короля Саудовской Аравии Сауда, а Великобритания – премьер-министра Ирака Нури Саида. В действительности же ни тот, ни другой не могли всерьез бросить вызов панарабистским устремлениям египетского президента.

Определенная логика в расчетах американских и британских политиков присутствовала. Саудовскую Аравию вполне можно считать «колыбелью» панарабизма. В 1917 г. шариф Мекки Хусейн ибн Али основал первое объединенное арабское государство – королевство Хиджаз со столицей в Джидде. Саудовская Аравия, ставшая преемником этого королевства, занимала ключевое место в мусульманском мире, поскольку на ее территории были расположены главные святыни ислама⁵. В Ираке тоже существовали собственные традиции панарабизма, олицетворявшиеся так называемыми эфенди – представителями образованного среднего класса, выступавшими против пробританской политики руководства страны и за достижение центральной роли Ирака в арабских делах⁶. Британское руководство, однако, делало ставку не на эфенди, а на иракских политиков, таких как Нури Саид, настроенных в пользу стратегического союза с Великобританией.

Взгляды США и Великобритании на проблему арабского национализма совпадали в оценке наличия угрозы этого движения западным интересам в Ближневосточном регионе, но расходились в

понимании характера этой угрозы. Соединенные Штаты опасались, что Советский Союз, подогревая националистические настроения в арабском мире, может попытаться усилить свое влияние в этом районе мира. Тревогу правящих кругов Великобритании вызывало то, что в фокусе внимания сторонников панарабизма могли оказаться экономические интересы ведущих стран НАТО в районе Персидского залива.

В начале 1957 г. администрация Д. Эйзенхауэра, переизбранного на второй президентский срок, выдвинула новую ближневосточную инициативу, получившую впоследствии название «доктрина Эйзенхауэра». Эта инициатива предусматривала под предлогом борьбы с «международным коммунизмом» оказание экономической и военной помощи союзникам США на Ближнем и Среднем Востоке вплоть до отправки американских войск в регион. Одной из главных целей «доктрины Эйзенхауэра» была изоляция Г.А. Насера в арабском мире путем активной поддержки консервативных арабских режимов. Подобной линии поведения США и Великобритания пытались придерживаться еще до Суэцкого кризиса⁷. Реалии развития международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке вскоре вынудили Соединенные Штаты корректировать свою политику, осуществляемую в русле реализации «доктрины Эйзенхауэра».

Летом 1957 г. возник острый внутривосточный кризис в Сирии, чреватый, как казалось американскому и британскому руководству, приходом к власти в Дамаске левых партий, ориентированных на сотрудничество с СССР. Подобной перспективы опасалось и руководство Баас, считавшее, что избежать попадания Сирии под влияние Советского Союза можно только путем объединения с Египтом. Тем самым сирийские баасисты пытались решить и свои внутривосточные трудности. С середины 1950-х гг. позиции Баас в Сирии стали ослабевать, уступая возросшему влиянию армейских кругов и левых сил. Лидеры партии Баас опасались усиления влияния Ирака, правительство которого традиционно тесно сотрудничало с консервативными и центристскими партиями Сирии. В связи с этим С. Битар, А. Хаурани (один из лидеров Баас) решили вновь выступить с инициативой объединения Сирии и Египта, рассматривая Г.А. Насера как единственную надежду на реализацию их панарабской программы.

Основным препятствием к созданию общего государства оставалась позиция Г.А. Насера. Египетский лидер понимал все трудности внутривосточного характера, с которыми он мог столкнуться.

У Египта и Сирии не было общей границы, существовали различные политические, исторические и культурные традиции, разный уровень экономического развития. Объединение с Сирией не отвечало основам внешней политики правительства Г.А. Насера, которые предполагали поддержание независимости и суверенитета арабских государств под египетским контролем. Политическая интеграция была чревата опасностью оказаться втянутым в сложную межпартийную борьбу в арабских государствах.

Вместе с тем президент Египта опасался углубления правительственного кризиса в Сирии, в результате которого к власти в Дамаске могли прийти силы, ориентированные на сотрудничество с СССР. Концепция арабской солидарности Г.А. Насера предусматривала выступление всех арабских стран единым фронтом как против неоколониальной политики Запада, так и против активной политики Советского Союза в регионе. Сирия же, по мнению Каира, слишком энергично начала сотрудничать с СССР. Это сотрудничество снижало влияние самого Насера в Ближневосточном регионе.

Объединение Египта и Сирии позволяло также решить несколько важных стратегических задач. Во-первых, Г.А. Насер срывал бы планы США и Великобритании по политической изоляции Египта. Во-вторых, Египет одерживал бы победу в противостоянии с Ираком за влияние в Сирии. Тем самым наносился ущерб и позициям британской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке, тесно связанной с иракским режимом. Отказ от идеи объединения с Сирией мог вызвать падение престижа и влияния Г.А. Насера в арабском мире. Египетский лидер опасался, что другого такого шанса укрепить его международные позиции не будет предоставлено. Интеграция с Сирией, как подчеркивает американская исследовательница Д. Кунц, позволяла Г.А. Насеру получить контроль над нефтепроводами компании «Ирак петролиум компани», проходящими по территории Сирии. Вместе с сохранением Суэцкого канала в египетских руках это давало президенту Египта возможность контролировать важные экономические коммуникации⁸.

В середине января 1958 г. в Каир для проведения окончательных переговоров об интеграции двух арабских государств прибыли представители сирийской армии и руководства Баас. Первоначально сирийская сторона предлагала федеративное устройство будущего государства. Но подобная схема создавала трудности для Г.А. Насера, которому пришлось бы вникать в сложную внутриполитическую

борьбу в Сирии с опасностью возникновения неконтролируемых политических форм. Президент Египта выдвинул свое условие – поэтапное создание унитарного государства. На первом этапе предполагалось появление единого государства с одним президентом, парламентом, армией, единой дипломатической службой. Обязательным условием объединения должен был стать роспуск всех политических партий Сирии. Второй этап предполагал создание единого экономического пространства объединенного государства⁹. Эти условия были приняты сирийской стороной. Очевидно, что лидеры Баас рассчитывали, что требование роспуска партий необходимо лишь для ограничения влияния коммунистической партии Сирии и не скажется в дальнейшем на роли самой партии Баас как общеарабского политического центра. М. Афляк, например, проявляя некоторую политическую близорукость, утверждал, что «формально мы будем распущены, но войдем в состав новой объединенной партии – Национального союза. Рожденная в результате слияния двух государств, эта партия не может преследовать других целей, кроме как целей Баас»¹⁰.

Несомненно, что на решение Г.А. Насера уступить давлению со стороны Сирии и отойти от собственных принципов панарабизма повлияло и проведение 27–30 января 1958 г. в Анкаре сессии Совета Багдадского пакта. Появление единого с Сирией государства должно было стать ответом египетского президента на активные действия стран Багдадского пакта по изоляции Египта и привлечению к сотрудничеству с пактом других арабских стран, таких как Ливан, Иордания и Саудовская Аравия. 1 февраля 1958 г. президенты Египта и Сирии Г.А. Насер и Ш. Куатли официально объявили о создании общего государства – Объединенной Арабской Республики (ОАР). Объединение Египта и Сирии явилось скорее не результатом панарабистских устремлений Г.А. Насера, а попыткой египетского лидера преодолеть дипломатическую и политическую изоляцию Египта, которую пытались установить США и Великобритания.

Г.А. Насер позже признавал, что столь быстрое объединение двух арабских государств – Египта и Сирии для него самого было несколько неожиданным, поскольку он если и допускал интеграцию Сирии с Египтом, то не раньше, чем к концу 1960-х гг. При этом Насер довольно реалистично оценивал перспективы существования ОАР. 18 февраля 1958 г. в разговоре с американским послом в Каире Р. Хэйром египетский президент признался, что не думает, что еги-

петско-сирийский союз продержится больше пяти лет или около того – слишком велика вероятность заговора со стороны сирийских военных и некоторых политиков¹¹.

В принципе, ОАР была открыта для присоединения и других арабских государств. Некоторые ремарки представителей сирийско-египетского государства в разговорах с американскими и советскими дипломатами и разведчиками позволяют предположить, что Г.А. Насер действительно не исключал возможности создания в перспективе единого государства под его контролем¹². Данная цель требовала последовательного выполнения следующей программы: приход к власти в арабских государствах сил, ориентированных на сотрудничество с Каиром, сглаживание противоречий между арабскими странами на основе борьбы с остатками влияния европейского колониализма, создание федерации этих стран с ОАР, используя, возможно, антиизраильские лозунги. События весны-лета 1958 г., казалось, вполне соответствовали этой программе действий.

В мае 1958 г. началась гражданская война в Ливане, в которую вмешивалась и ОАР, снабжая оружием повстанцев. Антимонархические выступления начались в Иордании. 14 июля 1958 г. был свергнут король Ирака Фейсал II. Как с тревогой отметил Д. Эйзенхауэр, получив известия об иракских событиях, «дело выглядит так, словно весь арабский мир ополчился против нас» и вскоре «Насер захватит весь регион»¹³. Чтобы не допустить в том числе и стремительного распространения влияния лидера ОАР в арабском мире, США перебросили свои войска в Ливан, а Великобритания – в Иорданию. Данная демонстрация силы была призвана в числе прочего сдерживать внешнеполитические амбиции Г.А. Насера.

Исторические традиции межарабского соперничества возобладали над панарабскими устремлениями некоторых региональных политиков. Создание ОАР вызвало настороженную реакцию среди политической элиты арабского мира. Среди тех, кто рискнул открыто выступить против Г.А. Насера, ставшего президентом ОАР, был президент Туниса Х. Бургиба. Г.А. Насер предоставил политическое убежище С. бен Юсуфу – тунисскому националисту, организовавшему в свое время покушение на Бургибу¹⁴. Но президент Туниса руководствовался не только личными счетами с Насером. Он явно опасался панарабской идеологии лидера ОАР, которая адресовалась всему арабскому миру, включая Северную Африку. В свою очередь в Ираке был отстранен от власти, а затем и арестован А.С. Ареф –

один из организаторов государственного переворота в Багдаде, представитель нового республиканского руководства постреволюционного Ирака, сторонник сближения с ОАР. Вскоре из иракского правительства были изгнаны и представители партии Баас, которые обвиняли нового иракского лидера А.К. Касема в нежелании придерживаться панарабской идеологии и в сотрудничестве с Иракской коммунистической партией.

Вопрос о возможном присоединении Ирака к ОАР остается открытым. По мнению отечественного исследователя В.П. Юрченко, Г.А. Насер настойчиво добивался присоединения Ирака к сирийско-египетскому объединению¹⁵. Против этой инициативы выступал А.К. Касем, да и Г.А. Насер, очевидно, относился к подобной перспективе очень осторожно, понимая, какие трудности перед ним могут возникнуть. Заметим, что инициатива вхождения Ирака в ОАР, как и в случае создания сирийско-египетского государства, исходила не от Г.А. Насера, а от А.С. Арефа и баасистов, что свидетельствовало о наличии определенных границ возможностей лидера ОАР по влиянию на эволюцию панарабской идеологии.

Несмотря на то, что на официальном уровне А.К. Касем и Г.А. Насер декларировали солидарность в деле обеспечения независимости арабских стран, на деле отношения между президентом ОАР и премьер-министром Ирака приняли напряженный характер, перейдя вскоре в открытое противостояние. Размах националистического движения в арабских странах стал тревожить и самого Насера. Лидер ОАР, по-видимому, стал ощущать, что контроль над ситуацией в регионе остается недостижимым, а рост национализма приводит к тому, что к власти в столицах арабских стран приходят лидеры, которые на деле не собирались становиться его союзниками.

События на Ближнем и Среднем Востоке 1958 г., которые, как казалось в Вашингтоне и Лондоне, были триумфом насеровской дипломатии, вынудили американских и британских политиков и экспертов пересмотреть свое отношение к арабскому национализму и к идеологии панарабизма в частности. На заседании Совета национальной безопасности США 31 июля 1958 г. госсекретарь Соединенных Штатов Дж. Ф. Даллес отверг идею существования монолитного панарабского движения, утверждая, что национальные интересы арабских государств неизменно будут превалировать над панарабской идеологией. Единственное, что по сути объединяет арабов, – это их ненависть к Израилю, считал глава американской

дипломатии. Помимо антиизраильских чувств, как отметил глава информационного агентства США Дж. Аллен, арабов также объединяет желание уничтожить остатки европейского колониального влияния, что соответствовало и антиколониальной политике самих США¹⁶.

Подробный анализ панарабизма как фактора международных отношений региона был предпринят межведомственной комиссией США по оценке разведанных. Появление Г.А. Насера во главе панарабского движения, как оценивала комиссия, явилось скорее результатом ряда громких внешнеполитических успехов лидера ОАР, нежели чем сознательной политикой самого Г.А. Насера по созданию громадного единого арабского государства, к чему он вряд ли стремился. Проблемой для западных стран является отсутствие среди арабских националистов достойных конкурентов Насеру, способных противостоять его харизме и пропаганде¹⁷.

Это мнение было поддержано специалистами-«ближневосточниками» госдепартамента США, которые считали, что сам по себе арабский национализм не представляет угрозы для интересов Запада. Наоборот, основные цели националистических лидеров арабских стран – освобождение от иностранного влияния и поддержание устойчивого дохода от добычи нефти – соответствуют двум главным целям западных держав – недопущение доминирования в Ближневосточном регионе Советского Союза и обеспечение бесперебойных поставок нефти в Западную Европу. Основную угрозу, как по-прежнему были уверены американские дипломаты, представляла возможность манипулирования со стороны СССР арабским национализмом в своих интересах¹⁸.

Позиция Великобритании определялась негативным отношением британского руководства к Г.А. Насеру, которому, как были уверены в Лондоне, нельзя было доверять. В 1950-е гг. у власти в Великобритании находилось поколение политиков, взгляды которых формировались в довоенный период, во время провала политики умиротворения Германии в 1930-е гг. Так, например, премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан часто проводил исторические аналогии между Г.А. Насером и А. Гитлером, считая, что лидер ОАР, подобно нацистскому диктатору, руководствовался во внешней политике эмоциями, вынашивая амбициозные планы по созданию арабского государства от Атлантики до Персидского залива. Не допустить осуществления этих планов, как был уверен Г. Макмиллан, означало не допустить второго «Мюнхенского сговора»¹⁹.

Созданный при активном участии Англии так называемый хашимитский противовес ОАР в виде союза монархий Иордании и Ирака, оказался недолговечным, развалившись после иракской революции 1958 г. Объективно, возможности Великобритании влиять на ситуацию в арабском мире были сильно ослаблены после Суэцкого кризиса и революции в Ираке, и это вынуждало британских политиков искать варианты сосуществования с националистическими режимами в арабских странах. Противоречия между Каиром и Багдадом создавали условия для сохранения британского присутствия в районе Персидского залива и на юге Аравийского полуострова.

Панарабизм как фактор, определяющий настроения арабского общества после Суэцкого кризиса, был недолговечен. В Вашингтоне и Лондоне довольно точно рассчитали, что историческая неприязнь между Египтом, Ираком и Саудовской Аравией не позволит реализовать ни один панарабский замысел. Столкновение интересов этих государств происходило в районе так называемого Благодатного полумесяца, в который входили Иордания, Ливан и Сирия. Объединение же Египта и Сирии, как считали американское и британское руководство, неизменно должно было поставить перед Г.А. Насером трудноразрешимые задачи, которые рано или поздно приведут к поражениям этого арабского лидера как внутри страны, так и за ее пределами. Эти поражения ослабят притягательность пропаганды Г.А. Насера, а самого его якобы сделают более сговорчивым.

Внутри ОАР вскоре проявились разногласия. В конце 1959 г. Г.А. Насер отправил в отставку почти всех министров – членов распущенной им партии Баас. Одной из причин отставки стало растущее давление со стороны баасистов в пользу более «активной» и «радикальной» внешней политики, в частности – включения в состав ОАР Иордании, что, как понимал Насер, привело бы к военному столкновению с Израилем и, возможно, Соединенными Штатами и Великобританией²⁰. Пытаясь усилить свой контроль над бывшей Сирией, Г.А. Насер назначил главой северной провинции ОАР своего близкого друга – главу вооруженных сил сирийско-египетского государства А.Х. Амера.

Авторитарные методы управления Объединенной Арабской Республикой не могли не вызвать ответной реакции со стороны сирийской общественности и особенно армии. В 1961 г. сирийские военные совместно с партией Баас произвели государственный переворот в Дамаске, сместив представителей центрального руководства

и объявив о выходе Сирии из состава ОАР. Так что прогноз Г.А. Насера о будущем сирийско-египетского государства оказался более или менее точным.

Таким образом, по панарабской идеологии Г.А. Насера был нанесен чувствительный удар, хотя от этого компонента своей пропаганды египетский лидер не отказался и в дальнейшем, о чем свидетельствует продолжавшееся использование названия Египта как Объединенной Арабской Республики, сохранившееся до смерти Насера в 1970 г. Глава ОАР стал заложником собственных дипломатических успехов середины 1950-х гг., которые опережали его реальные возможности по влиянию на ситуацию в арабском мире.

Существование ОАР в 1958–1961 гг. осталось единственной серьезной попыткой интеграции сложившихся арабских государств. Провал этой попытки можно объяснить отходом Г.А. Насера от своего первоначального видения панарабизма. Реалии межарабского соперничества не позволили арабам преодолеть последствия колониального прошлого. Панарабизм использовался и в последующем в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке, но в основном – как инструмент политических интриг арабских политиков для достижения их собственных внешнеполитических и внутренних целей.

Оценивая причины неудачи панарабизма, трудно не согласиться с выводом Б. Рубина, заметившего, что на пути любого арабского политика, стремящегося реализовать идеи арабского единства, возникает масса препятствий: «Он должен лавировать между арабским национализмом и исламом, между соперниками внутри страны и вне ее, управляя страной с необразованным населением и армией, которая лучше справляется с организацией государственных переворотов, чем с боевыми операциями»²¹.

Несмотря на поражение панарабизма в 1961 г., другого варианта достижения единства в условиях многоконфессиональности арабского общества выдвинуто не было. Это отчасти привело к распространению более радикальных идеологических форм, в том числе исламского фундаментализма.

¹ *Rubin B. Pan-Arab Nationalism: The Ideological Dream as Compelling Force // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26, №3/4. P. 535.*

² *Ахмедов В.М. Сирийско-иракские отношения: эволюция и перспективы // Ближний Восток и современность: Сб. статей. М., 2002. Вып. 16. С. 19.*

³ *Woodward P. Nasser. N. Y., 1992. P. 61.*

⁴ *Devlin J.F.* The Baath Party: Rise and Metamorphosis // *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96, №5. P. 1399.

⁵ Ставку Соединенных Штатов на короля Сауда можно объяснить недостаточным опытом американской дипломатии в арабских делах. Сауд практически не подходил к готовящейся для него роли. Он не интересовался глубоко вопросами внутренней и внешней политики, считая, например, своей важнейшей государственной миссией добиться как можно большего потомства от своих многочисленных жен и наложниц. На дипломатических приемах Сауд шокировал присутствовавших иностранцев безвкусными золотыми украшениями и часами в нуворишском стиле. Саудовская Аравия на тот момент не обладала ни сильной армией, ни развитой промышленностью. Официальный Вашингтон руководствовался тем, что в Саудовской Аравии, в Дахране находилась основная база американских ВВС на Ближнем и Среднем Востоке, и в этой стране были сосредоточены главные интересы американских нефтяных компаний. Позже Д. Эйзенхауэр признавал, что ставка на Сауда была ошибкой. Как считает арабский исследователь С. Якуб, администрация Д. Эйзенхауэра создала опасный прецедент культивирования политического ислама в противовес арабскому национализму. *Yaqub S.* Imperious Doctrines: U.S.-Arab Relations from Dwight Eisenhower to George W. Bush // *Diplomatic History*. 2002. Vol. 26, №4. P. 583–584.

⁶ *Eppel M.* The Elite, Effendiyya, and the Growth of Nationalism and Pan-Arabism in Hashemite Iraq, 1921–1958 // *International Journal of Middle East Studies*. 1998. Vol. 30, №3. P. 245–247.

⁷ *Пелинась М. Я.* Политика США и Англии в отношении Египта накануне Суэцкого кризиса 1956 г. // *Американские исследования в Сибири*. Томск, 1998. Вып. 3. С. 50–66.

⁸ *Kunz D.* The Emergence of the United States as a Middle Eastern Power, 1956–1958 // *A Revolutionary Year. The Middle East in 1958* / Ed. by Wm. Louis and R. Owen. N.Y., 2002. P. 86.

⁹ *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960. Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa.* Wash., 1992. P. 409–410; *Румянцев В.П.* Американско-египетские отношения в связи с созданием Объединенной Арабской Республики (1957–1958 гг.) // *Уральское востоковедение: Международный альманах*. Екатеринбург, 2007. Вып. 2. С. 144–153.

¹⁰ Цит. по: *Devlin J.F.* Op. cit. P. 1400.

¹¹ *Пир-Будагова Э.Л.* Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1966). М., 1978. С. 127; *FRUS. 1958–1960. Vol. XIII.* P. 427–428.

¹² Посол ОАР в Москве М. аль-Куни 13 июня 1958 г. в разговоре с заведующим отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР Г.Т. Зайцевым заметил, что ОАР предполагает осуществить слияние Ливана, Ирака и Иордании с ОАР в течение ближайших трех лет. (Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967: В 2 т. Т. 2: 1957–1967 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003. С. 205–206). Один из ведущих экспертов американского Центрального разведывательного управления (ЦРУ) М. Коуплэнд докладывал директору ЦРУ А. Даллесу о своей беседе с неким высокопоставленным египетским политиком, который уверял американского разведчика, что «Шамун, Хусейн и Нури Саид (президент Ливана, король Иордании и премьер-министр Ирака. – В.П.) будут вскоре свергнуты – и именно в таком порядке». (*Copeland M.* The Game of Nations. The Amorality of Power Politics. N. Y., 1969. P. 192).

- ¹³ FRUS. 1958–1960. Vol. XI. Lebanon and Iraq. Wash., 1992. P. 209–210.
- ¹⁴ *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. Ithaca, 1980. P. 539.
- ¹⁵ *Юрченко В.П.* Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). М., 2003. С. 29.
- ¹⁶ FRUS. 1958–1960. Vol. XII. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula. Wash., 1993. P. 127–129, 132.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 139–142.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 148.
- ¹⁹ *Horne A.* Macmillan. 1957–1986. L., 1989. Vol. 2. P. 92.
- ²⁰ *Rathmell A.* Secret War in the Middle East: The Covert Struggle for Syria, 1949–1961. N.Y., 1995. P. 158, 221.
- ²¹ *Rubin B.* Op. cit. P. 540.